

РОЛЬ «ФИКТИВНОГО» АВТОРА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

У статті розглядаються різні засоби авторської репрезентації у романі Лермонтова «Герой нашего времени» у взаємовідносинах автора і образу автора, автора і оповідача. Ускладнення оповідної техніки призводить до появи декількох наторів, зміни героїв-оповідачів, появи оповідачів-«посередників». Спостерігається оповідна інверсія, дублює «автор – герой» замінюється триадою «автор – оповідач – герой». Норативна система лермонтовського роману представлена образом фіктивного автора, який виконує функцію творця тексту або веде оповідь, стилізовану під сповідь, щоденник.

Ключові слова: натор, фіктивний оповідач, автор, герой.

Способы проявления авторского сознания и авторской позиции в разные эпохи, как известно, меняются. В XIX веке важнейшей составляющей повествования становится «драматический» элемент – рассказ и показ событий сочетаются, голос автора нередко устранен, наблюдается усложнение повествовательной техники, когда в рамках одного произведения функционирует несколько нарраторов и происходит смена лиц повествования. Такая сложная нарративная схема представлена в лермонтовском романе.

Стремясь к максимальной «объективированности» героя, М.Ю. Лермонтов отказывается от одного нарратора и вводит в текст повествователей-«посредников». Это странствующий офицер, ведущий свои путевые записи («Бэла», «Максим Максимыч», «Предисловие» к «Журналу Печорина»), штабс-капитан Максим Максимыч, рассказывающий историю Бэлы и Печорина («Бэла»), и сам Печорин («Журнал Печорина»).

Нарративная система в лермонтовском романе представлена образом фиктивного автора-нарратора, берущего на себя функцию создателя предлагаемого текста и ведущего повествование от первого лица (Максим Максимыч, странствующий офицер), повествование от «я-рассказчика» стилизовано под исповедь, дневник («журнал» Печорина). Чаще всего повествование, представляющее рассказ нарратора, не выражает авторскую позицию. По справедливому замечанию Цв. Тодорова, повествование от первого лица «не только не проясняет облика повествователя (то есть «реального» автора. – А.А.), но, наоборот, скрывает его. И всякая попытка прояснить его ведет лишь к еще большей маскировке субъекта процесса высказывания. Этот вид текста, открыто признавая себя текстом, скрывает свою текстовую природу» [9, 77]. Таким образом, Лермонтовым создается условность литературной формы, заведомо игровая установка «реального» автора, которая предполагает использование авторской маски. «Повествователь» становится фиктивным «заместителем» автора. Он не просто ведет повествование, но и воссоздает события, участником которых он был (Максим Максимыч в «Бэле»), или «фиксирует» прожитое в собственном дневнике (Печорин). В связи с вышесказанным, обратим внимание на особый характер лермонтовского повествования.

Предмет слова-высказывания повествователя в романе – «книга» офицера, состоящая из повестей «Бэла», «Максим Максимыч», автором которых он является, и отрывков из журнала Печорина. Свою «книгу», а именно так в «Предисловии» к «Журналу Печорина» определил жанр своего произведения офицер, он назвал «Герой нашего времени». Другими словами, слово-высказывание повествователя в романе оформлено как слово-высказывание офицера («книга»). О возникновении ее офицер несколько раз упоминает в первых двух повестях. Так, он стремится «вытянуть» «историчку» из Максима Максимыча, поясняя, что это «желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям» [5, 201]. В «Максиме Максимыче» указывает, что эта «историчка» – уже звено в «цепи повестей»: «...я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей...» [5, 232]. Своеобразная очерковость подчеркнута в обращении к читателям: «Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки; следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в самом деле» [5, 218]. Есть в «книге» и указание на время ее создания. Повесть «Бэла» заканчивается словами: «Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история...» [5, 231]. Это замечание, а также содержание «Предисловия» к «Журналу Печорина» указывают, что «книга» возникла после тех событий, которые послужили для нее жизненным материалом, и после получения известия о смерти Печорина. Последовательность расположения частей «книги» «Герой нашего времени» воспроизводит последовательность знакомства офицера с личностью Печорина: сначала рассказ Максима Максимыча, потом собственные наблюдения и, наконец, журнал Печорина. Осмысление и оценка этого жизненного материала получили формулировочное выражение в за-

главии «книги» – «Герой нашего времени», предположительный разговор с читателем в конце «Предисловия» – планирование характера читательского восприятия Печорина. Предугаданная реакция («Да это злая ирония!») вскоре во многом оправдалась, чем в свою очередь объясняется появление «Предисловия» к роману в 1841 году, через год после первого его издания.

Итак, в нашем исследовании разграничиваются понятия автор романа и автор «книги». Автор романа «Герой нашего времени» является М. Лермонтов, автором «книги» «Герой нашего времени» – безымянный офицер, являющийся повествователем в романе («Бэла», «Максим Максимыч»). В научной литературе о романе М. Лермонтов отождествляется с офицером. Эта традиция восходит к статье В. Белинского о «Герое нашего времени»: «Здесь мы должны обратиться к «Предисловию», написанному автором романа к журналу Печорина» [1, 262]. Очевидно, что критик не стремился к терминологическому различению автора – творца романа и автора «книги».

Некоторые современные исследователи лермонтовского романа вслед за В. Белинским видят в офицере М. Лермонтова – «биографическую личность». Так, В. Мануйлов пишет: «Наконец появляется и сам герой книги. Единственный раз автор романа сталкивается с Печориным лицом к лицу» [7, 253]. Нечеткость наблюдается и в авторитетной «Лермонтовской энциклопедии». Л. Мелихова замечает: «В эту атмосферу (романа. – А.А.) не случайно включается и впоследствии «забытый» автором повествователем вопрос о путевых записках о Грузии, с которого начинается роман» [8, 539]. Однако дальнейшее соседство термина «автор» со словом «роман» указывает на то, что говорится уже об авторе романа. Это в свою очередь привело к отождествлению биографического автора с повествователем, повлекшему за собой возникновение такой несообразности: «Не случайно начало романа, как и его продолжение, автор получает сначала из уст, а потом и из рук буквально первого» [8, 540]. Вполне понятно, что автор романа не может получить «из уст, а потом и из рук» персонажа продолжение своего произведения.

Вопрос соотношения «между самим Лермонтовым, повествователем и Печориным, то есть между подлинным автором «Героя нашего времени», мнимым автором «Записок офицера» и вымышленным автором «Журнала Печорина» – требует особого рассмотрения», – пишет Э. Герштейн [4, 21]. Исследовательница отмечает: «Лермонтов не скрывался. В примечании к «Фаталисту» он заявляет, что это ему, Лермонтову, «добрый штабс-капитан» рассказывал историю похищения Бэлы Печориным» [4, 21]. Подкрепляет данный тезис Э. Герштейн ссылкой на Б. Эйхенбаума, который писал, что, отождествив себя с автором «Бэлы», Лермонтов «придал рассказанной там встрече с Максимом Максимычем совершенно документальный, мемуарный характер» [11, 258]. Конечно, в произведении в каждом его моменте являет себя его творец, и в этом отношении повествователь – это тоже автор, в том смысле, что это поэтическая форма его бытия. Но данный факт отнюдь не означает, что Лермонтову как «реальной биографической личности» вымышленный штабс-капитан мог что-то рассказывать.

В связи с рассуждениями Э. Герштейн возникает вопрос: почему автор «Записок офицера» оказывается «мнимым», а автор «Журнала Печорина» «вымышленным»? В романе они так же реальны, как реальные Печорин, Вера, Максим Максимыч и другие персонажи. Вымышленными они являются только с точки зрения Лермонтова и читателя как «реальных биографических личностей». Б. Томашевский в статье «Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция», отмечая соотношение автора, повествователя и героя, писал: «Осуждение типа дано в предисловии Лермонтова к роману и в предисловии «автора» к «Журналу Печорина». Тон оценки в обоих случаях одинаковый, что заставляет нас или заключить о психологическом тождестве выведенного в первой части романа «автора» с Лермонтовым или же предполагать в предисловии к роману наличие некоторой литературной маскировки» [10, 510]. Однако отметим, что психологическое тождество не означает тождества поэтического, творческого.

В исследованиях более позднего времени утвердилось мнение о необходимости различать автора романа и систему повествователей в нем. Так, Э. Веденяпина, автор статьи «Автор. Повествователь. Герой» в «Лермонтовской энциклопедии», исходит из существенного теоретического положения: «В прозе и поэмах Лермонтова значительное место принадлежит повествователю, ведется ли повествование от имени безымянного рассказчика или от первого лица. Повествователь у Лермонтова или излагает сюжет или вводит в действие, воссоздавая внешнюю обстановку («Демон», «Мцыри» «Тамбовская казначейша»), и служит существенной формой проявления позиции автора» [2, 25]. Такое понимание функции повествователя приводит исследователя к выводу: «отождествление повествователя с автором нередко ведет к сужению проблематики произведений...» [2, 25]. На наш взгляд, верная посылка остается не вполне реализованной, когда Э. Веденяпина обращается к роману «Герой нашего времени». Разграничение автора и повествователя позволило исследователю выдвинуть тезис о существовании в романе точек зрения автора, повествователя и героя, выраженных композиционно. К сожалению, этот важный тезис остался не развернутым. Возможно, все объясняется энциклопедическим характером статьи, ее размером. Подобным же образом обстоит дело и с другим положением. Э. Веденяпина не указывает, как разграничение автора и повествователя позволяет расширить проблематику романа.

Безусловно, автор определяет построение текста, фабулу, сюжет, все определено единством его личности и взгляда на мир, но читатель не имеет дела с автором «реальным», как создателем художественно текста, поскольку его «формальным» заместителем, как правило, становится нарратор, организующий повествование, определяющий последовательность изложения. И если, согласно В.В. Виноградову, «образ автора – это индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [3, 176], то повествователь – это не только «более или менее конкретный образ, присутствующий вообще и всегда в каждом литературном произведении, но и <...> воплощение того сознания, той точки зрения, которая определяет весь состав изображенного в произведении» [6, 200]. В связи с этим становится вполне очевидным, что повествователь, рассказчик не равен автору «реальному». Подчеркнем, что автор «реальный», скрываясь за маской нарратора, рассказчика, героя как автобиографического или автопародийного «двойника», не просто стремится к сокрытию собственного облика, но объективирует себя в образе эстетически возможного «другого», предпринимает попытку выхода за границы «реального» бытия, подчеркивая тем самым непроницаемость, индивидуальность своего «реального» образа.

Список использованных источников

1. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. – М. : АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом), 1954. – Т. 4. – С. 193 – 270.
2. Веденяпина Э.А. Автор. Повествователь. Герой / Э.А. Веденяпина // Лермонтовская энциклопедия. – М. : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 25 – 26.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 2003. – 390 с.
4. Герштейн Э. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова / Э. Герштейн. – М. : Худож. лит., 1976. – 124 с.
5. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 т. / Под общ. ред. И.Л. Андронникова, Д.Д. Благого, Ю.Г. Оксмана / М.Ю. Лермонтов. – М. : Худож. лит., 1958. – Т.4.: Проза. Письма. – 594 с.
6. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – М.-Л. : ГИХЛ, 1959. – 524 с.
7. Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий / В.А. Мануйлов. – М.-Л. : Просвещение, 1975. – 267 с.
8. Мелихова Л.С. Стиль. Проза / Л.С. Мелихова // Лермонтовская энциклопедия. – М. : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 539–541.
9. Тодоров Ц. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 37–113.
10. Томашевский Б. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция / Б. Томашевский // Литературное наследство. – М. : АН СССР; Ин-т лит. (Пушкинский дом), 1941. – Т. 43 – 44: М.Ю. Лермонтов. – С. 469–516.
11. Эйхенбаум Б.М. Литературная позиция Лермонтова / Б.М. Эйхенбаум // Литературное наследство. – М. : АН СССР; Ин-т лит. (Пушкинский дом), 1941. – Т. 43– 44: М.Ю. Лермонтов. – С. 3–82.

Summary. *The article highlights various representations of the Lermontov's novel "A Hero of Our Time" in the correlation of the author and the author's image, the author and narrator. Complications of narrative technique of the novel leads to the appearance of several narrators, heroes storytellers' changing, emergence of storytellers "intermediaries".*

Narrative system of Lermontov's novel is presented by 1) the image of fictitious author-narrator, who is the "creator" of the text and is a first-person narrative; 2) the story stylized as a confession blog (Pechorin's "journal"). This technique objectifies the work. There is a narrative inversion, duplet "author – hero" is replaced by a triad «author – narrator – protagonist.» So Lermontov creates literary form convention, game setting of the real author, which involves the use of the author's mask. «Storyteller» is a sham «substituent» of the author, he not only tells about the events, but also represents events that were witnessed (Maxim Maximovich in «Bella») or fixing their own life events and experiences in a journal (Pechorin's «journal»). This special character of Lermontov's narratives presented in this article is analyzed on the example of the nameless officer-narrator. The analysis allows to dilute the concept of «the author of the novel» (M. Lermontov) and «author» (unnamed officer narrator). This conclusion does not match the existing traditional point of view in Lermontov's study.

The proposed article emphasizes that the real author is «hiding» under the guise narrator, narrator-hero as autobiographical or autoparodial «double» to objectify themselves in the form of aesthetically possible «other» that allows you to go beyond real life.

Keywords: *narrator, fictitious author, the author, hero.*

Отримано: 15.08.2014 р.